

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ

Хлыщева Елена Владиславовна

доктор философских наук, заведующая кафедрой

Астраханский государственный университет

414022, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Н. Островского, 160

E-mail: culture_mar@mail.ru

Мультикультурализм призван решать проблему взаимодействия культур, обострившуюся в связи с интенсивной миграцией. Однако мультикультурализм – явление достаточно разнородное, здесь есть свои плюсы и минусы, разрушительные тенденции и созидательный потенциал. Основание мультикультурной модели – признание факта культурного многообразия – говорит о существующем потенциале. Поэтому, не отвергая совсем идею мультикультурализма, необходимо искать более приемлемый вариант, где будут учтены ошибки и найдены способы безконфликтного сосуществования.

Ключевые слова: мультикультурализм, Чужой, культурные особенности» меньшинств, мягкий и жесткий мультикультурализм

CREATIVE POTENTIAL OF MULTICULTURAL MODEL

Khlysheva Elena V.

D.Sc. (Philosophy), Head of the department

Astrakhan State University

160 N. Ostrovskiy st., Astrakhan, 414022, Russian Federation

E-mail: culture_mar@mail.ru

Multiculturalism is urged to solve a problem of interaction of the cultures, become aggravated in connection with intensive migration. However multiculturalism – the phenomenon rather diverse, here is the pluses and minuses, destructive tendencies and creative potential. The basis of multicultural model – recognition of the fact of cultural diversity – speaks about the existing potential. Therefore, without rejecting absolutely idea of multiculturalism, it is necessary to look for more acceptable option where mistakes will be considered and ways of frictionless coexistence are found.

Keywords: multiculturalism, Stranger, cultural features of minority, soft and rigid multiculturalism

Глобальная иммиграция поставила вопрос о необходимости новой стратегии культурной интеграции общества. В конце XX в. такой стратегией становится мультикультурализм. В научном мире анализу феномена мультикультурализма отводится достаточно большое место. Появляются обстоятельные труды западных и отечественных исследователей.

Публикации по проблемам мультикультурализма можно условно разделить на позитивные и негативные. В одних он осуждается, в других наблюдается защита любых его проявлений. Главной идеей теоретических обоснований феномена мультикультурализма становится переосмысление прежней либеральной парадигмы и выявление принципов, которые не могут быть принесены в жертву абстрактной межкультурной солидарности.

Мультикультурализм призван решать проблему взаимодействия культур, обострившуюся в связи с интенсивной миграцией населения всего земного шара: мигранты постепенно начинают завоевывать культурное пространство чужой страны, насаждая там свои обычаи и традиционное мировоззрение. Запад испытывает серьезные проблемы с сохранением своей цивилизационной специфики, поэтому исследователи обвиняют мультикультурализм в пособничестве меньшинствам и разрушении «бе-

лой» культуры» [5, 7, 8, 9]. В этом плане мультикультурализм понимается как «политика для иммигрантов» [3, с.29].

Однако мультикультурализм – явление достаточно разнородное, здесь есть свои плюсы и минусы, разрушительные тенденции и созидательный потенциал. Как разобратся в происходящем, как себя вести с Чужим, как сохранять толерантность и что делать в сложной этноконфликтной ситуации – вот вопросы, на которые необходимо дать ответ. Для этого феномен мультикультурализма надо анализировать не столько как политическое, а скорее как социокультурное явление, как в диахронном, так и в синхронном аспектах, выявляя его позитивные и негативные стороны, объясняя возможные последствия неграмотной аксиологической оценки тех или иных маркеров «чужих культур», ставших нашими повседневными соседями. Важным научным фактором является выявление скрытого созидательного потенциала мультикультурализма, с пониманием которого приходит и новый взгляд на изменившуюся повседневность.

Так как кризис мультикультурализма, проявившийся в основном в диссонансе теории и практики, был вызван неготовностью именно молодежи к адаптации новой культурной и социальной реальности, следует понимать, что первостепенной задачей исследования становится социокультурный ландшафт молодежи, так как именно она является основным потребителем этой политики, именно от ее принятия или непринятия «результатов» национальных практик зависит успешность или крах любой политической доктрины, особенно в условиях протекающих экономических кризисов. Поэтому очень важно понять насколько рефлексивна политика мультикультурализма по отношению к уровню развития наиболее активных слоев общества, особенно тех, кто живет полиэтничном обществе и сталкивающихся с необходимостью адаптации к другой культуре.

Практически все современные государства сегодня демонстрируют хотя бы в некоторой степени культурное многообразие. И реакция общества на такое многообразие весьма разнообразна: от попытки законсервировать свой социум в стадии относительной монокультурности и не допустить любыми методами проникновения вовнутрь новых Чужих культур, до политики провозглашенного мультикультурализма. Однако, в большинстве своем сегодня не приходится говорить о гомогенном обществе. Культурное многообразие преобразует гомогенное общество в гетерогенное, главным показателем которого является степень пестроты, разнородности, подчёркивающая богатство оттенков этого общества. Но чем выше степень гетерогенности, тем больше степень (уровень) недопонимания, а соответственно и рисков межэтнических конфликтов, нередко приводящих само это общество на грань распада.

Далеко не все национальные меньшинства готовы подстроиться под нормы принимающего общества и тогда применяются стратегии сепарации или сегрегации, что не только не сплачивает общество, но, напротив, его разделяет. Мы живем в ситуации гетерогенного общества, и то, что происходит в мире, касается нас непосредственно. Понятно, что когда в рамках одного общества сосуществуют люди с разными культурными традициями, необходимо решить ряд проблем, чтобы обеспечить четкие и устраивающие всех правила общежития. В таком обществе не обойтись без толерантного отношения к отличиям других. Однако не все культурные практики могут мирно сосуществовать на одной территории в едином социуме. В результате, не находя всеобщего признания и одобрения многим своим культурным практикам, иммигранты начинают селиться компактно, подальше от центра, создавая свои маленькие «анклавы» по законам своей родины, No-Go-Areas, где нагляднее всего проявляется картина несовпадения ценностей этнических меньшинств и принимающего социума. В такой ситуации хочется знать, а существует ли некий набор общих принципов, способных служить ориентиром для решения вышеназванных проблем? Какими установками должно руководствоваться общество, где сосуществуют разнообразные культуры? А как жить в обществе, если для каждой группы существуют свои

нормы и правила? До какой степени культурное многообразие можно считать приемлемым и относиться к нему терпимо?

В современном обществе очень важно осознание происходящих в нем процессов не только отдельными исследователями – аналитиками, но и большинством населения, понимание им законов и механизмов мультикультурного существования. Это во многом будет способствовать избавлению от страхов, нагнетаемых масс-медиа и киноиндустрией вокруг образа Чужого, как реального, так и виртуального. Наше инстинктивное, взращенное веками восприятие Другого/Чужого как врага и монстра, приводит к недопониманию его роли в нашем социуме, как определенного «зеркала» этого социума. Мультикультурализм в теории постулировал новый качественный уровень культурного многообразия и умения сосуществовать с инокультурными группами, слоями, индивидами, уважение или терпимость к «инакости».

Однако действительность показала утопичность такой модели, продемонстрировав определенные пределы толерантности. Гарантируя суверенитет и уникальность каждой культуры, мультикультурализм способствует тем самым сохранению традиционных ценностей этнокультуры и не дает возможность ее членам изменить свой образ жизни, пусть и «уникальный», но по эволюционным меркам, крайне отсталый. Желание сохранить культурную самобытность способствует консервации многих культурных форм, не соответствующих развитию постиндустриального общества. Насильственное культивирование определенного образа жизни еще резче обозначает групповые различия, что является относительно новым явлением.

Европа начала наступление на «культурные особенности» меньшинств, не совместимые с западными культурными ценностями. На сегодняшний день вновь поднимается проблема интеграции, целью которой становится преодоление расовых, этнических и религиозных разломов. Если человек, независимо от национальной принадлежности, ведет себя так, как принято в цивилизованном обществе, то и воспринимается он как «Свой». А если приезжий настойчиво отвергает западные ценности и настаивает на «своем» образе жизни, демонстрируя свою инаковость, то такой индивид (или группа) обречен на отчуждение.

Конечно, процесс адаптации иммигрантов к чужой культуре всегда достаточно сложен. Однако опыт показывает, что культуры иммигрантов на чужой почве в любом случае изменяются, деформируются и превращаются «в некую версию культуры страны происхождения» [6, p.150]. Так, в США чернокожие создали особую культуру, составленную из «кусочков» африканских, европейских, североамериканских, индейских традиций. Примечательно, что эти формы не являются проявлением традиционной африканской культуры. Конечно, вывезенные из Африки рабы имели свои традиции, но последние были многообразны, а языки – непохожи друг на друга. И только в Америке «африканцы стали «черными», а европейцы – «белыми»» [4, p. 148]. И все-таки у них много общего, потому что живут они в одной стране, а культурное разнообразие только придает обществу колорит.

Если говорить о России, то ее этнокультурный облик всегда отличался большим разнообразием, поэтому в рамках одной социально-культурной целостности сосуществуют различные культурные миры, с особыми этническими историями, разной конфессиональной принадлежностью, отличающимся уровнем экономического развития и т.д. Российские гастарбайтеры в своем большинстве выходцы из СССР. Культурная дистанция между мигрантами и российскими гражданами гораздо меньше, чем в странах Западной Европы и тем более США: в одной школе учились, по одним правилам жили. Значит и культурная дистанция незначительна, и есть все шансы вписаться в российское общество. Правда, Своим все равно не будешь. Не Чужой, но и не Свой!

Итак, современный мир зафиксировал наличие «чужого», но этого мало – нужно видеть, как эта «чуждость» преодолевается. В противном случае складывается ситуация «пассивного претерпевания» [1, с. 127], означающая отсутствие возможно-

сти активной реакции, что само по себе не конструктивно. Чтобы вернуть возможность активного воздействия, «необходимо вновь оказаться в истолкованном пространстве» [2, с. 89]. Чужое в интерпретации «лишается своего Жала, утрачивает природу сбоя» [2, с. 103]. Мультикультурализм попытался выработать механизм такой интерпретации. В каких-то странах это сработало (Австралия, Канада), где-то произошли сбои (Западная Европа). Но это не повод заклеить мультикультурализм как несостоятельный. Напротив, необходимо проанализировать эволюцию мультикультурной политики, выявить причины сбоев, найти конструктивные тенденции и попытаться сконструировать новый подход к решению насущной задачи культурного сосуществования.

Различия хороши, но для совместного проживания необходимо искать точки пересечения. Мало признать все культуры равноценными и достойными внимания и уважения. Надо четко знать, что делать дальше, чтобы уважение к различиям не осталось красивым призывом, а реализовалось в повседневной жизни. Есть толерантная западная вежливость, а есть то, что люди думают и чувствуют на самом деле. В любом современном обществе остаются предвзятые взгляды на иммигрантов как на представителей Иной культуры. А главное, на всех представителей этой культуры переносится гомогенность (все мыслят одинаково, занимаются одним и тем же, живут одинаково), которая на самом деле не существует. И в процессе общения в первую очередь бросаются в глаза этнические признаки Другого. Поэтому мультикультурализм, проводимый как «политика по отношениям к национальностям», не всегда находит поддержку у местного населения.

Мультикультурализм можно разделить на «мягкий» и «жесткий». В странах с мягким мультикультурализмом принимают иностранцев, не поощряя и не удерживая их от участия в общественной жизни, толерантно относятся к их образу жизни, независимо от того, стремятся те интегрироваться в новое общество, или предпочитают держаться за свои особые традиции и убеждения. Минус такого подхода - отсутствие стремления к интеграции.

«Жесткий» вариант мультикультурализма предлагает обеспечивать культурным меньшинствам особую защиту и предоставление правовых и политических гарантий против дискриминации и любых неблагоприятных условий. Здесь гарантируется суверенитет и уникальность каждой культуры, но обязательное сохранение традиционных ценностей этнокультуры не дает возможность ее членам изменить свой образ жизни, даже если они этого хотят. Особенно это проявляется в крупных городах, в частности в Нью-Йорке, где практически все магазины техники принадлежат выходцам из Латинской Америки, сувенирные лавки – индусам, рестораны – итальянцам, а роль мелких продавцов выполняют афроамериканцы. За иммигрантами как бы закрепляется статусное клише – какую работу они способны выполнять. Например, в России молдаване и узбеки прочно ассоциируются со строительным бизнесом, а чеченцы и дагестанцы – с торговлей.

Есть и поверхностный взгляд на культурное разнообразие, когда, не отрицая существование в мире разных культурных традиций, вся мультикультурность сводится к фольклору и приготовлению разнообразных национальных блюд. Это не изменяет привычную жизнь большинства, но добавляет в нее экзотики. Здесь можно наслаждаться культурным многообразием в китайских и японских ресторанах, на фольклорных фестивалях.

Настораживает активность «фундаменталистского» мультикультурализма, являющего собой тенденцию «возвращения к своим корням», особенно свойственную для иммигрантов-мусульман. Общество сталкивается с феноменом «реактивного» мультикультурализма, когда этнические меньшинства пропагандируют возврат к прежней идентичности. Особенно проявляется столкновение культурных традиций в повседневной жизни, когда, например, учительница-мусульманка требует через суд разрешить ей вести уроки в платке, так как платок – это неотъемлемая часть ее идентичности или когда девочке-мусульманке невозможно появиться на улице без хид-

жаба, так как иначе мужчины-мусульмане могут забить ее до смерти. В этом плане мультикультурная практика, призывающая к признанию уникальности каждой культуры и в то же время постулируя их равенство, зашла в тупик. Надо искать иные способы диалога, принимая во внимание специфику каждой культуры.

Европейцы признали недейственность некоторых механизмов инкорпорирования мигрантов в социум. Интеграция лучше, чем разъединение, поэтому Европа начала наступление на «культурные особенности» меньшинств, не совместимые с западными культурными ценностями: во многих странах ЕС законодательно запрещены операции «женского обрезания», в школы не пускают в хиджабах, не разрешают резать жертвенных животных в черте крупных европейских городов, даже во время больших мусульманских праздников. Кроме того, местное население многих европейских городов активно противодействует строительству минаретов.

К сожалению, декларированное признание всех культур равноценными и достойными внимания и уважения *автоматически* не смогло привести к преодолению хаоса и дезинтеграции. Однако, нельзя утверждать, что мультикультурализм потерпел крах, это Европа оказалась не готова к новой мультикультурной реальности. Видимо, надо проанализировать причины неудач и перейти к новой культурной модели, которая могла бы помочь скорректировать возможные «ошибки» предыдущей политики. Само же основание мультикультурной модели – признание факта культурного многообразия – говорит о существующем потенциале. Поэтому, не отвергая идею мультикультурализма, необходимо искать более приемлемый вариант, который условно можно назвать «постмультикультурализм», где будут учтены ошибки и найдены способы безконфликтного сосуществования.

Список литературы

1. Вальденфельс Б. Мотив Чужого.– Мн.: ПроPILEI, 1999.
2. Вальденфельс Б. Топография Чужого. Киев: ППС, 2004.
3. Петриковская А.С Австралийский мультикультурализм: опыт этнической политики/// Этнографическое обозрение. 1993. № 2.
4. Appliah K. A. The Multiculturalist Misunderstanding, New York Review of books, 1997
5. Chipman L. The very idea of a flat tax.- St Leonards, N.S.W.: Centre for Independent Studies, 2004
6. Europe-a new immigration continent: Policies and politics in comparative perspective / Ed. by Thranhardt P.-Hamburg:Lit,1992
7. Lippmann L. Generations of resistance : the Aboriginal struggle for justice. Melbourne: Longman Cheshire, 1981
8. McGhee D. The End of Multiculturalism? Terrorism, integration and human rights.-Open University Press McGraw-Hill Education, Berkshire England, 2008.
9. McKenzie Cameron The Menace of Multiculturalism / Cameron McKenzie.- published by the Institute of Australian Culture, PO Box 64, Watsonia, Vic. 3087; Australian Ethnic Affairs Council publication, 1997.

References

1. Val'denfel's B. Motiv Chuzhogo.– Mн.: Propilei, 1999.
2. Val'denfel's B. Topografija Chuzhogo. Kiev: PPS, 2004.
3. Petrikovskaja A.S Avstralijiskij mul'tikul'turalizm: opyt jetnicheskoj politiki/// Jetnograficheskoe obozrenie. 1993. № 2.
4. Appliah K. A. The Multiculturalist Misunderstanding, New York Review of books, 1997
5. Chipman L. The very idea of a flat tax.- St Leonards, N.S.W.: Centre for Independent Studies, 2004
6. Europe-a new immigration continent: Policies and politics in comparative perspective / Ed. by Thranhardt P.-Hamburg:Lit,1992
7. Lippmann L. Generations of resistance: the Aboriginal struggle for justice. Melbourne: Longman Cheshire, 1981
8. McGhee D. The End of Multiculturalism? Terrorism, integration and human rights.-Open University Press McGraw-Hill Education, Berkshire England, 2008.

9. McKenzie Cameron The Menace of Multiculturalism / Cameron McKenzie. - published by the Institute of Australian Culture, PO Box 64, Watsonia, Vic. 3087; Australian Ethnic Affairs Council publication, 1997.

РОЛЬ ИНДЕЙСКИХ И МИССИОНЕРСКИХ ШКОЛЫ В АССИМИЛЯЦИИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ США

Якушenkova Оксана Сергеевна, кандидат исторических наук

ООО «Глобал Лаб»
Российская Федерация, г. Москва, пр-т Андропова, 18
E-mail: ninawari@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы индейского образования в США во второй половине 19 века на фронтире. Этот период ставил перед пришлым населением задачи аккультурации и ассимиляции коренного населения, и, в силу многих причин, выполнять их взялись в основном женщины. Одним из особенных моментов этого процесса стало образование большого количества миссионерских школ и преподавание в государственных школах учителей-миссионеров. Можно сказать, что развитие индейского образования знаменовало собой переход к новой стадии фронтира – постфронтиру.

Ключевые слова: ассимиляция, аккультурация, индейское образование, миссионерские школы, Дартмут-колледж, Карлайл, Зиткала-Ша, фронтир, постфронтир

THE ROLE OF INDIAN AND MISSIONARY SCHOOLS IN ASSIMILATION OF NATIVE AMERICANS OF USA

Yakushenkova Oksana S.
Ph.D. (History)
Ltd. "Global Lab"
18 Andropov av., Moscow, Russian Federation
E-mail: ninawari@yandex.ru

The article examines the education of Native Americans on the frontier in the United States in the second half of the 19th century. This period is characterized by active processes of acculturation and assimilation of the indigenous population, and, for many reasons, women took an active part in it. One of the special moments of this process was the formation of a large number of missionary schools and missionary teachers work in public schools. It is possible to say that the development of Native American education marked a transition to a new stage of the frontier - postfrontier.

Keywords: assimilation, acculturation, Indian education, missionary school, Dartmouth College, Carlisle, Zitkala-Sa, frontier, postfrontier

Во второй половине XIX в. фронтир Дикого Запада США постепенно превращался в территорию, где многие социальные и культурные процессы происходили особенно интенсивно. После 80-х гг. XIX в. американское общество вновь задумалось о судьбе индейцев и об их месте в белом обществе. По сути, мы наблюдаем некоторую политическую и историческую регрессию, так как схожие вопросы стояли перед американским обществом в кон. XVIII – нач. XIX вв. Но эта регрессия станет понятной, если мы примем во внимание тот факт, что фронтир в американской истории – явление динамичное, в рамках американской ментальности – повторяющееся, а значит и постоянно порождающее схожие явления в разные этапы истории. В то время, как для Новой Англии фронтир был уже пройденным этапом в истории США, для Среднего или Дальнего Запада фронтир представлял собой явление современности, повседневности. Если Новая Англия и близкие к ней территории уже пережили